

УДК 343.01
ББК 67.408

М.В. Бавсун,
кандидат юридических наук, доцент,
Омская академия МВД России

МЕСТО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию возможности влияния уголовно-правового воздействия на процесс формирования общественной психологии. Основное внимание при этом уделено вопросам идеологического воздействия на общество посредством законодательных предписаний и тех средств противодействия преступности, которые в них предусмотрены. На основе проведенного анализа автором делается вывод о месте уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; идеология; общественная психология; ценность.

M.V. Bavsun,
Ph.D. in Law, Ass. Professor,
Omsk Academy of Russian Ministry of Internal Affairs

THE PLACE OF THE CRIMINAL LAW'S INFLUENCE IN THE STRUCTURE OF LEGAL IDEOLOGY

The paper researches the opportunity for the criminal law's influence on the process of social psychology's formation. Much attention is paid to the issues of ideological influence on society through legislative regulations and through the means of counteracting crime that are included in them. The analysis allows the author to draw a conclusion regarding the place of the criminal law's influence in the structure of legal ideology.

Key words: criminal law influence; ideology; social psychology; value.

Современное российское общество лишено какой-либо идеологической основы. Во многом это обусловлено произошедшими в конце XX столетия серьезными политическими, экономическими и социальными потрясениями, в результате которых была утрачена одна из главных его составляющих. Речь идет о совокупности тех идей, которые должны братья за основу в процессе формирования гражданских институтов, а также при создании базовых предпосылок для идеологизации правосознания населения в целом и каждого индивидуума в отдельности. Более того, с начала 90-х годов XX столетия делалось все для того, чтобы ранее существовавшие ценности, вокруг которых в основном и строилось правовое воспитание населения, были уничтожены. Произошла целенаправленная деидеологизация всех слоев общества и сфер его жизнедеятельности [13, с. 325]. В свою очередь, «отречение от всего, что было «до того», от старых фетишей объективно подпитывало нигилистические разрушительные тенденции, которые не уравновешивались созидательными» [12, с. 404]. Все это спровоцировало распростране-

ние тотального правового нигилизма, выражающегося в девальвации права и законности, а также игнорировании самого закона, и полное неверие в его регулируемую и социальную роль [12, с. 385].

Указанные метаморфозы человеческого сознания, столь характерные для современного российского общества, являются неизбежным следствием отсутствия в нем объединяющих начал, характерных для того же советского периода. Ввиду сложившегося в последние два десятилетия в общественном сознании отрицательного или безразличного отношения к идеологии, утрачен интерес к изучению данного феномена и отечественным правоведением, включая и его уголовно-правовое направление, что неизбежно повлекло за собой и утрату правовых ценностей, разрушение рациональных и совершенно необходимых оснований правовой государственности в целом [2, с. 5]. Именно в таком состоянии на сегодняшний день находится идеологическая составляющая современного общества, где признание права и закона, а тем более их соблюдение, становится все менее популярными. Вполне естественно, что авторитет уголовного закона

в сложившейся ситуации и его требования при отсутствии должного уровня правового воспитания также не выдерживают конкуренции с нигилистическими проявлениями, обусловленными снижением общего уровня правовой культуры. При этом само уголовно-правовое воздействие становится все менее эффективным средством борьбы с преступностью, что во многом объясняется отсутствием должного понимания как со стороны тех, к кому оно непосредственно применяется, так и в целом со стороны всего общества.

Между тем «любое государство должно формировать и реализовывать правовую идеологию, способную быть выражением системы основных концептуальных идей о праве и правовой системе общества. Именно на такой правовой идеологии должна базироваться российская государственность» [2]. Более того, идеологическому началу должна подчиняться правовая, в том числе и уголовно-правовая, политика любого государства, вне зависимости от периода его существования, национальности граждан в нем проживающих, а также других факторов объективного или субъективного характера. Н.А. Беляев указывал, что «уголовно-правовая политика осуществляется не только через уголовно-правовые нормы, но и посредством идеологической работы с широкими народными массами, членами законодательных органов государства, работниками правоприменительных органов...» [3, с. 99]. Связано это, в первую очередь, с тем, что правовая идеология наряду с правовой психологией лежат в основе правового сознания человека, будь то обыватели, члены законодательных органов или сотрудники органов внутренних дел [15; 18].

Таким образом, итоговый результат правовой политики государства, как и в целом состояние общественного правосознания, во многом зависят именно от идеологической составляющей правосознания общества, представляющего собой первооснову любого правового государства. Следовательно, и воздействие на общество уголовно-правовыми средствами становится эффективным только при наличии к этому целой совокупности необходимых предпосылок, включающих в себя и степень его готовности к адекватному восприятию предлагаемых государством средств противодействия преступности.

Подобное становится возможным только при наличии в обществе современной идео-

логии, формирующей правильные ценности и общий уровень правосознания. В то же время необходимо отметить, что процесс этот не односторонний. Он вполне взаимообусловлен в связи с тем, что не только идеология оказывает влияние на эффективность уголовно-правового воздействия, но и само оно играет важную роль в формировании правосознания человека, имея, таким образом, при грамотном его использовании мощное воспитательное значение.

Из этого следует вывод, что уголовно-правовой аспект занимает свое место в общей структуре правовой идеологии, оказывая соответствующее влияние на формирование правосознания как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Причем речь, в данном случае, необходимо вести о явлении, далеко выходящем за пределы общего и специального предупреждения преступлений. Говорить нужно о роли уголовно-правового воздействия в формировании в общественном сознании самой идеи нетерпимости преступного поведения со стороны окружающих и, тем более, невозможности совершения преступлений самими. Только затем уже перед уголовным законом можно ставить задачу непосредственно по предупреждению преступлений. Все это представляет как раз основное предназначение уголовно-правового направления в общем массиве правовой идеологии, необходимой для формирования должного уровня общественного правосознания.

В целом правовая идеология на сегодняшний день является совокупностью идей (концепций, теорий, доктрин) о праве и правовом развитии, способствующих созданию стандартных (типичных) оценок и правовых ценностей, а также выработке определенных правовых установок у носителей правового сознания [7, с. 133], способствующих при этом закреплению или изменению существующих общественных отношений [4; 11; 19]. Формирование и распространение таких идей применительно к уголовно-правовому воздействию имеет не меньшее значение, нежели их формирование и распространение в рамках других отраслей права, играя существенную роль в создании предпосылок к доминированию правомерного поведения в обществе. В такой ситуации ключевую роль начинают приобретать не сами виды воздействия, интенсивность их применения или угроза реализации каждого из них, что собственно и

выступает в качестве основных средств предупреждения совершения преступлений. В значительно большей мере на состояние преступности оказывает влияние отношение каждого индивидуума вообще к уголовному закону и тем средствам воздействия, которые в нем содержатся. Важно общее представление о репрессии, степени ее достаточности и допустимости в современном обществе, т. е. как к явлению совершенно необходимому для поддержания правопорядка и его существованию именно в таком, а не в ином виде. В этом проявляется общественная психология, представляющая вполне реальное явление духовной жизни общества, недооценка которого не позволительна в процессе реализации государственной и уголовной политики [19, с. 53].

Выражение внутреннего согласия с содержанием уголовно-правового воздействия обеспечивается именно за счет распространения на государственном уровне генеральных идей. В свою очередь, отсутствие должного понимания, возможно, на генетическом уровне, или даже его недостаток, каким бы ни было качественное воздействие и по технике своего изложения в законе, и по своей практической реализации, неизбежно будет снижать эффективность его конечного результата. Данное положение подтверждается тезисом, согласно которому все идеологии имеют один общий корень – психологию данной эпохи, учет которой позволяет обеспечить выбор того или иного направления идеологической концепции. В случае возникающего дисбаланса между общественным правосознанием и теми концептуальными основами, которые начинают доминировать в нормах уголовного закона, неизбежно снижается эффективность их практической реализации. Ситуация подобного рода изначально влечет за собой постановку ложных целей уголовно-правового воздействия, выбор сообразно этим целям неверных или некачественных средств и, соответственно, достижение таких же результатов или их отсутствие.

А.И. Александров по этому поводу совершенно справедливо отмечает, что «усилия общества и государства должны быть направлены на формирование системы мер действенной социальной профилактики и на воспитание законопослушных граждан, для чего необходима государственно-правовая

идеология» [1, с. 374]. В свою очередь, формирование правовой идеологии в определенной мере должно быть наполнено и уголовно-правовым содержанием, без которого невозможно правовое воспитание населения. Увы, но в качестве одного из основных наиболее позитивных моментов, характеризующих принятие УК РФ 1996 г., называется, как раз наоборот, его деидеологизация, во многом лишившая нравственной составляющей всю сферу уголовно-правового регулирования.

Так, А.В. Наумов, отказ от идеологии, основанной на приоритете классовых ценностей, т. е. «устранение из уголовного законодательства идеологических постулатов, связывающих его нормативные установления с определенной политико-классовой идеологией» [10, с. 57], называет одним из достижений УК РФ. При этом замену прежним ценностям ученый видит в построении уголовного законодательства на новой идеологии, противоположной по своим исходным принципам, опирающейся на приоритет общечеловеческих ценностей относительно всех других, в том числе классовых и национальных составляющих, и признание уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина основополагающей идеей уголовного законодательства.

В связи с этим ученый упоминает объявленную Кодексом новую иерархию ценностей, охраняемых уголовным законом. «В триаде «личность–общество–государство» Кодекс 1996 г. (в отличие от советских уголовных кодексов) поставил на первое место именно личность. Это отражено и в определении задач Уголовного кодекса (ст. 2), и в структуре его Особенной части (раздел преступлений против личности поставлен на первое место, а преступлений против государственной власти – на четвертое), и в структуре диспозиций статей УК, определяющих «первичность» или «вторичность» потерпевших от соответствующих преступных деяний, а следовательно, и степень важности причинения вреда охраняемым общественным отношениям в зависимости от их объекта: личность–общество–государство» [10, с. 58].

Собственно, другой альтернативы предлагаемым ценностям, которые могли бы претендовать на роль элементов, замещающих ранее существовавшие постулаты, сегодня попросту нет. Впрочем, измененную систему ценностей также вряд ли можно взять за

идеологическую основу всего уголовного закона, которая была бы способна оказать настолько мощное влияние на правосознание человека, что это привело бы к стойкому неприятию преступного поведения. В целом, если говорить о ценности как об относительно самостоятельной категории, необходимо отметить, что сама она лишь отчасти оказывает идеологическое воздействие на человека. Гораздо более важным выглядит объяснение того, почему именно такая ценность и только такая иерархия является наиболее правильной, и именно она отражает реальное положение дел в обществе. При отсутствии такого обоснования, которое все же должно соответствовать состоянию общественного сознания, сама по себе ценность становится искусственно навязанной, существующей номинально, так сказать, по статусу, но не по содержанию и степени ее восприятия в сознании людей. Такое обоснование должно происходить на уровне, находящемся, что называется, над ценностями, без которого их самих быть просто не может. По этому поводу А. Уледов отмечал: «Ценность и система ценностей могут быть построены исключительно за счет идеологии» [17], роль которой в общем-то и сводится к формированию и распределению основных приоритетов развития общества и государства.

Необходимо отметить, что и в целом настроенность, направленность сознания каждого человека в отдельности целиком и полностью находятся под влиянием доминирующих в обществе идей и взглядов, а также представлений и чувств, что относится к содержанию идеологии, в результате чего и происходит обоснование основополагающих ценностей. Между тем вряд ли сегодня можно категорично заявить, что идея «новой» иерархии ценностей является основополагающей, оказывая сколько-нибудь значимое воздействие на состояние общественного сознания. Тем более сложно рассматривать созданную иерархию как идеологически выверенную концепцию (т. е. именно как совокупности идей, теорий и доктрин о праве и правовом развитии, при помощи которых возможно изменение существующих общественных отношений), способную занять место предыдущей системы ценностей.

Таким образом, место в общем массиве правовой идеологии, которое должен занимать уголовно-правовой аспект, по сути, се-

годня не заполнено, и пространство для всевозможных идей и представлений, имеющих малое отношение к государственному волеизъявлению и рождаемых в результате лоббирования интересов отдельных групп и даже лиц, остается свободным. В свою очередь, это явно не способствует системному характеру информации, получаемой в настоящий момент обществом о тех процессах уголовно-правового характера, которые в нем протекают. Во многом это зависит от глубокого системного кризиса, охватившего мировое и прежде всего российское общество, которому пытаются жестко навязать или чуждые схемы, или не срабатывающие лозунги. «Одной из причин кризиса идеологий является очень медленное освоение тех новых моделей, метафор и способов описания, которые предоставляет наука с системным видением природы, человека и общества – наука, преодолевающая как механистическую картину мира, так и связанную с ней методологию. Господствующая в настоящий момент идеология радикального неолиберализма, опираясь в большинстве случаев на устаревшее механистическое и статистическое описание социальных явлений, не стыкуется со структурами современного научного знания и терпит явный провал в попытке описания системных явлений, волнующих сейчас общество» [5]. Предлагаемое современному обществу мышление «...не поднимается выше неорганизованной и бессвязной массы фактов, не осмеливается идти дальше того, что задано самой действительностью» [9, с. 18].

Другими словами, сегодня наблюдается явный дисбаланс между доминирующими в современном обществе психологическими установками (взглядами и представлениями) и предлагаемыми законодателем идеями, или, что еще хуже, их отсутствием в законодательных предписаниях. Последние зачастую как раз и содержат именно механистическое описание каждого явления в отдельности, не отвечая при этом требованиям системности, комплексного характера, не стремясь соответствовать фундаментальной идее и настроениям, типичным для современного общества. Между тем «...без элементов механизма правовой психологии невозможны ни формирование идеологии, ни ее действительная роль в жизни общества» [7, с. 128]. «Только сфера психики непосредственно связана с действием идей. Идеи только тогда стано-

вятся силой, заставляют людей действовать, когда они преломляются в их психике, в их чувствах, настроениях, воле, в их симпатиях и антипатиях, влечении и отвращении» [14].

К сожалению, в сложившихся условиях, в условиях процветающего нигилизма, уголовно-правовой аспект государственной идеологии продолжает терять свои позиции в правовом воспитании и формировании правового сознания как отдельно взятой личности, так и всего общества в целом. «Здоровое» общество, основанное на высоком уровне правосознания, предполагает неукоснительное соблюдение общеобязательных правил поведения (в том числе, а может быть, и в первую очередь, не допускающих совершения преступлений), уважение к уголовному закону и тем мерам воздействия, которые в нем предусмотрены, понимание и принятие этих мер на уровне психологии. Уголовное право в этом отношении способно само формировать правосознание человека. При этом, если оно отвечает социальным потребностям общества, соответствует его идеалам, целям, правосознание служит опорой правоприменительной деятельности, основой правотворчества. «Именно реальное право, а не различные призывно-просветительские поучения, своими лучшими характеристиками социальной регулятивной системы с наибольшей эффективностью «выкорчевывает» реликты старых представлений из правосознания, именно показательное, разумное использование права формирует новое необходимое обществу правосознание» [20].

В свою очередь, «разумное использование» уголовного права возможно лишь при наличии в нем совокупности идей, которые как раз и наполняли бы его вполне осмысленным содержанием. Главное – не снизить уровень концептуальных начал, не растворить их в постановке более конкретизированных целей и задач [10, с. 58–59]. Поэтому справедливо утверждение о том, что «концепция – это не просто замысел, теоретическое построение чего-либо, но теоретическое построение, подчиненное какой-либо общей идее» [6, с. 32]. Следовательно, при закладывании в законодательные предписания такой идеи вполне возможны позитивные сдвиги в общественном восприятии уголовно-правового воздействия. При этом важно, что называется, «угадать», а точнее, правильно оценить нынешнее состояние сложившегося в обществе

психологического климата, а также учесть предыдущий багаж его духовного развития, без которого невозможно получить сколь угодно стройную систему идей, которая бы при этом в той или иной мере отвечала настроению большинства [4, с. 21].

В другой ситуации уголовно-правовое воздействие оказывается (что типично и для данного периода времени), прежде всего, в некоем психологическом вакууме. Формально имея вполне легитимный статус, фактически оно не находит поддержки у самого общества, становясь, таким образом, слабым и неэффективным в процессе своей реализации. Подобное характерно именно для случаев непонимания обществом или его неприятия тех идей, которые навязываются ему сверху законодателем, а не возникли и сформировались на уровне общественной психологии и уже затем нашли соответствующее отражение в уголовном законе.

В качестве второй причины, влекущей за собой неспособность уголовно-правового воздействия оказывать идеологическое влияние в современных условиях, можно назвать излишне теоретизированный, а порой и откровенно надуманный характер содержащихся в нем идей. Речь необходимо вести об отсутствии в их содержании реальных направлений противодействия преступности. В основном это теоретические положения, имеющие декларативный характер, нашедшие свое нормативное выражение в конкретных и далеко не всегда соблюдаемых принципах (ст. 3-7 УК РФ). Других положений, которые бы указывали на наличие идеологической основы современного Уголовного кодекса, в его содержании попросту нет.

Не менее абстрактной в этом отношении для большей части субъектов правоотношений выглядит и предлагаемая законодателем система ценностей, перекочевавшая из Конституции Российской Федерации в УК РФ. Более того, эта система слабо коррелирует с уголовно-правовым воздействием, которое в сложившихся условиях вообще остается без стержневой идеи, что приводит к снижению его роли в правовом воспитании общества и в целом влечет за собой дисбаланс с правовой идеологией.

Следует полагать, что место уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии определяется, во-первых, степенью его соответствия общественной психологии,

тем настроениям и потребностям общества, которые на данный момент времени являются доминирующими. Чем больше такое соответствие, тем более значимым будет место уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии, тем более эффективной будет и его реализация. Во-вторых, большую роль в регулировании общественных отношений играет уголовное законодательство. Соответствие обоим критериям является обязательным, как обязательным представляется и определение единой, генеральной идеи уголовно-правового воздействия, содержание которой становится известным лишь при наличии указанных составляющих. В свою очередь, наличие такой идеи позволит определить и круг средств воздействия на лиц, совершивших преступление. Отсутствие хотя бы одного из факторов неизбежно влечет за собой потерю авторитета уголовного закона и, соответственно, негативное отношение к нему со стороны общества, что в целом характерно для настоящего периода.

В ситуации неприятия обществом устанавливаемого государством уровня репрессии (крайне низкого или, наоборот, недопустимо высокого) использование уголовно-правового воздействия в качестве одного из инструментов правовой идеологии становится весьма затруднительным. В структуре правовой идеологии, сообразно интенсивности использования уголовно-правовых средств, воздействие начинает занимать излишне много места (в случае недопустимо высокого уровня карательного воздействия) или практически полностью исключается из идеологической схемы (при крайне низком, недостаточном для данного этапа уровне воздействия).

Происходит это по вполне объективным причинам, главная среди которых базируется именно на несоответствии навязываемых государством ценностей и идей, общественной психологии, нормам морали, традициям и обычаям, зачастую, в подобной ситуации, оказывающим куда большее влияние на происходящие процессы, нежели собственно правовые нормы.

Весьма показательным в этом отношении видится нынешний период, когда уровень карательного воздействия оказывается явно недостаточным для достижения цели эффективного противодействия преступности. Например, неприменение смертной казни на фоне высоких показателей насильственной

преступности, серийных насильственных преступлений (в том числе и в отношении детей), процветания терроризма и бандитизма выглядит явно политической акцией, а не обусловленной необходимостью мерой. По выводам В.В. Лунеева, сделанным еще в конце XX века, современная преступность России приближается «к национальному порогу качественного и количественного насыщения, за которым «дрейфующий» уровень терпимости народа может оказаться в положении «переполненной чаши», в связи с чем криминальность общества из криминологической и правоприменительной проблемы может превратиться в острую политическую проблему, а то и катастрофу, решение которой подталкивает общество к качественным изменениям социально-правовых и политических характеристик» [8, с. 446].

Начало XXI столетия лишь усугубило данную ситуацию, характеризующуюся ростом все того же терроризма (достаточно вспомнить взрывы в Москве, Буйнакске, Волгодонске, аэропорту Домодедово и т. д.), общеуголовной насильственной преступности, педофилии, процветанием коррупции и т. д. Несмотря на очевидные тенденции и явную неудовлетворенность общества средствами противодействия распространяющимся явлениям, уровень карательного воздействия в рассматриваемый период в целом стал ниже, чем был ранее.

При этом немалую опасность в развитии ситуации в дальнейшем представляет то, что для общества данный факт становится все более очевидным. Уголовно-правовое воздействие с тем набором средств, которым оно сегодня представлено в УК РФ, все сильнее оказывает обратный эффект на общественное сознание – не созидательный (воспитание в духе уважения закона и веры в его справедливость), а наоборот, разрушительный, когда закон воспринимается как слабый, недостаточный для защиты общества, способствующий, а не противодействующий росту преступности. Все это сопровождается «травлей» в средствах массовой информации правоохранительных органов, что привело к полному уничтожению авторитета представителя власти, и крайне невразумительными изменениями уголовного законодательства, которые по большей части носят спонтанный, эмоциональный, а зачастую и откровенно заказной характер (имеется в виду

исключение из УК РФ в 2003 году конфискации имущества и в последующем ее возврат в кодекс, но уже в совершенно ином статусе). К этой же группе изменений следует отнести и отказ от минимальных пределов санкций по целому ряду экономических преступлений, декриминализацию лжепредпринимательства и ряд других новелл, напрямую способствующих росту экономической преступности. Изменения подобно рода представляют собой уже «...не гуманность, а скорее всепрощенчество, рекрутирующее в ряды преступников новые и новые кадры» [16, с. 122].

В такой ситуации декларативные заявления о приоритете противодействия преступности на государственном уровне начинают все больше раздражать обывателя, вполне способного увидеть несоответствие принимаемых мер объявляемым приоритетам и ценностям. Очевидно, что крайне сложно, например, вести сегодня речь о борьбе с коррупцией в условиях отсутствия в качестве самостоятельного вида наказания конфискации имущества. Более того, какое-либо противодействие данному явлению, когда нет реальной возможности изъятия и обращения незаконно полученного имущества в доход государства в качестве обязательной меры за совершенное преступление, делает его дальнейшее распространение неизбежным.

Однако наличие в обществе четкого представления о процветании коррупции и неспособности государства от нее избавиться, в том числе и посредством уголовно-правового воздействия, оказывает самое негативное влияние на сознание людей. Следствием этого является неверие в уголовный закон и его силу. Происходит это в основном по одной лишь причине – уголовно-правовые нормы в ситуации подобного рода не могут привнести в правовую идеологию ничего нового, кроме деструктивного, превращаясь в свод неких запретов, лишенных подчинения единому, всем понятному и воспринимаемому базовому началу.

Изменение позиции уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии становится возможным лишь в случае принципиально иного отношения к нему в обществе. Представляется, что подобные метаморфозы могут произойти только в результате объединения в уголовном законе вокруг генеральной идеи, находящейся в русле правовой идеологии государства, совокупности средств, необходимых для ее реализации, без которых уголовно-правовое воздействие просто не будет соответствовать происходящим в обществе процессам. Идея эта, исходя от государства и закрепляясь в отдельных законодательных предписаниях, в то же время должна найти соответствующее отражение в общественном сознании, получить так называемое социальное одобрение. Без такового, как в случае избыточной репрессии, так и при ее явном недостатке, уголовно-правовое воздействие практически исключается из структуры правовой идеологии, оставляя свободным место для процветания нигилистического отношения к уголовному закону, утраты его авторитета и степени значимости в решении задач противодействия преступности.

Все это позволяет сделать вывод о том, что место уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии определяется: во-первых, степенью его соответствия условиям сложившейся действительности, в качестве критериев которой должны выступать конкретные показатели преступности, ее уровень, динамика и структура; во-вторых, степенью соответствия средств уголовно-правового воздействия общественной психологии, формирующейся, в том числе, и под влиянием сформулированных в законе средств воздействия на преступность; в-третьих, в целом отводимой государством ролью уголовного законодательства в регулировании общественных отношений, допустимыми пределами расширения пределов уголовно-правового воздействия на общество и его развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности. История, современность, перспективы, проблемы. – СПб., 2003. – 559 с.
2. Байков А.Ф. Правовая идеология: сущность и реализация в условиях правового государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 20 с.
3. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986. – 176 с.
4. Биккенин Н.В. Социалистическая идеология. – М., 1983. – 414 с.
5. Гуцин С.В. Энциклопедический фонд России. – URL : <http://www.russika.ru/termin.asp?ter=1868> (12.02.2010).

6. Звечаровский И. О концепции развития уголовного законодательства России // Уголовное право. — 2005. — № 3. — С. 32-34.
7. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. — М., 1973. — 344 с.
8. Лунеев В.В. Преступность XX-го века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. — М., 1997. — 516 с.
9. Мальцев Г.В. Идеология, политика и право // Сов. государство и право. — 1970. — № 2. — С. 24-28.
10. Наумов А.В. Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. тр. — Саратов, 2008. — С. 58-60.
11. Нестеренко Г.Я. Идеология, ее особенности и формы. — М., 1964. — 199 с.
12. Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. — М., 1998. — Т. 2. — 656 с.
13. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. — М., 2010. — 448 с.
14. Поршнев Б. Политическое самообразование. — 1968. — № 2. — С. 39-46.
15. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. — М., 1988. — С. 124—126.
16. Торкунов М. О необходимости смертной казни в России // Уголовное право. — 2005. — № 3. — С. 120-123.
17. Уледов А. Структура общественного сознания. — М., 1968. — 250 с.
18. Щегорцов В.А. Социология правосознания. — М., 1981. — С. 47-49.
19. Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. — Л., 1961. — 122 с.
20. URL : <http://www.russika.ru/termin.asp?ter=168> (12.03.2010).

REFERENCES

1. Aleksandrov A.I. *Ugolovnaya politika i ugolovnyy protsess v Rossiyskoy gosudarstvennosti. Istoriya, sovremennost', perspektivy, problemy* [Criminal Policy and Criminal Process in the Russian Statehood. History, Today, Prospects, Issues]. Saint Petersburg, 2003, 559 p.
2. Baykov A.F. *Pravovaya ideologiya: sushshnost' i realizatsiya v usloviyakh pravovogo gosudarstva (avtoref. kand. dis.)* [Legal Ideology: Essence and Implementation in a Jural State (Cand. Dis. Thesis)]. Yekaterinburg, 2006, 20 p.
3. Belyaev N.A. *Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizatsii* [Criminal Law Policy and Ways of its Implementation]. Leningrad, 1986, 176 p.
4. Bikkenin N.V. *Sotsialisticheskaya ideologiya* [Socialist Ideology]. Moscow, 1983, 414 p.
5. Gushshin S.V. *Entsiklopedicheskiy fond Rossii* [Encyclopedic Fund of Russia]. Available at: <http://www.russika.ru/termin.asp?ter=1868> (Feb. 12, 2010).
6. Zvecharovskiy I. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2005, no. 3, pp. 32-34.
7. Lukasheva E.A. *Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'* [Socialist Legal Awareness and Lawfulness]. Moscow, 1973, 344 p.
8. Luneev V.V. *Prestupnost' XX-go veka. Mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii. Mirovoy kriminologicheskii analiz* [Criminality of the 20th Century. Global, Regional and Russian Tendencies. Global Criminological Analysis]. Moscow, 1997, 516 p.
9. Mal'tsev G.V. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law]. 1970, no. 2, pp. 24-28.
10. Naumov A.V. *Ugolovno-pravovoy zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoy prestupnost'yu* [Criminal Law Prohibition and its Effectiveness in Counteracting Modern Crimes]. Saratov, 2008, pp. 58-60.
11. Nesterenko G. Ya. *Ideologiya, ee osobennosti i formy* [Ideology, its Specific Characteristics and Forms]. Moscow, 1964, 199 p.
12. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Moscow, 1998, vol. 2, 656 p.
13. Plyays Ya.A. *Politologiya v kontekste perekhodnoy epokhi v Rossii* [Political Science within the Framework of Transitional Period in Russia]. Moscow, 2010, 448 p.
14. Porshnev B. *Politicheskoe samoobrazovanie* [Political Self-Education]. 1968, no. 2, pp. 39-46.
15. Sokolov N.Ya. *Professional'noe soznaniye yuristov* [Professional Mentality of Lawyers]. Moscow, 1988, pp. 124-126.
16. Torkunov M. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2005, no. 3, pp. 120-123.
17. Uledov A. *Struktura obshhestvennogo soznaniya* [Structure of Public Conscience]. Moscow, 1968, 250 p.
18. Shshegortsov V.A. *Sotsiologiya pravosoznaniya* [Sociology of Legal Awareness]. Moscow, 1981, pp. 47-49.
19. Yadov V.A. *Ideologiya kak forma dukhovnoy deyatel'nosti obshhestva* [Ideology as a Form of a Society's Spiritual Activity]. Leningrad, 1961, 122 p.
20. <http://www.russika.ru/termin.asp?ter=168> (March 12, 2010).

Сведения об авторе

Бавсун Максим Викторович (Омск) — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права. Омская академия МВД России (644092, г. Омск, пр. Комарова, 7, e-mail: kafedramvd@mail.ru)

Information about the author

Bavsun, Maksim Viktorovich (Omsk) — Ph.D. in Law, Head, Chair of Criminal Law. Omsk Academy of Russian Ministry of Internal Affairs (Komarova pr., 7, Omsk, 644092, e-mail: kafedramvd@mail.ru)